

Интервью с Иваном ЗЕЛИЛОВЫМ

В 2020 г. мы отметили 70-летие выдающегося сухумчанина, спортсмена, известного общественного деятеля Ивана Христофоровича Зелилова, который 20.10.2020 г. дал интервью ведущему рубрики «Греческий Сухумский вестник» Георгиосу Григориадису.

06.01.2021 г. Ивана Христофоровича, после тяжелой, продолжительной болезни, не стало. Все мы потеряли в его лице доброго, отзывчивого, жизнелюбивого человека, друга и гражданина.

Предлагаем вашему вниманию окончание интервью.

О чем Вы хотели бы еще рассказать в завершение интервью? (продолжение ответа).

Дети в нашем дворе росли быстро, и как старший я за всех отвечал. Первое, что сделал, научил каждого из них плавать. Старшие мне доверяли безгранично, и я мог всегда взять детей с собой на море, а родителям объяснил, что гораздо легче управляться с ребенком, который умеет плавать, и за ним нужно меньше пригляду. Соответственно, я научил плавать и своих племянников из Москвы, и нескольких еще детей.

Теплые отношения сохранились между нами до сих пор. И сейчас, когда я немного приболел, я снова, с еще большей силой, ощутил доброту и любовь своих близких родственников и друзей. У нас ежедневно раздаются телефонные звонки со всех концов Греции, в том числе с островов, а также из Москвы, Ростова, Сухуми, Тбилиси и других городов. А когда у меня вдруг поднялась немного температура, то у моей кровати мои родственники, близкие и не очень, устроили круглосуточное дежурство с капельницами и другими медицинскими хитростями.

В последнее время я заметил, что все чаще вспоминаю то время, ту жизнь, где мы были молодыми, беспечными и счастливыми, и от этих воспоминаний становится теплее на душе.

Был один смешной момент, когда в самом начале моей карьеры, мой коллега – заместитель заведующего отделом сельского хозяйства, большой шутник, решил подшутить и надо мной. В один из дней он заглядывает к нам в отдел, и говорит, что меня приглашает к себе один из заведующих отделом – Учанейшвили Леонид Дмитриевич. Я насторожился, т.к., с этим человеком я столкнулся в коридоре три минуты назад, и он ничего мне не сказал, а во-вторых, я не имел никакого отношения к сфере деятельности его отдела. Я понял, что это прикол, но не сказал ничего. Молча вышел и пошел якобы в сторону его кабинета. Минут через 5-7 я вернулся и сел на свое место. К этому времени в кабинете собралось уже человек 5, которые пришли посмеяться над очередной шуткой нашего хохмача. Меня спрашивают, ну что там было серьезного? Я отвечаю, что поговорили о жизни и зав. отделом очень хочет видеть нашего шутника. К сожалению, фамилию запомнил. Тот сразу посерьезнел, встал и скорой походкой пошел на

ГРЕЧЕСКИЙ СУХУМСКИЙ ВЪСТНИКЪ

#154

Спонсор проекта: Туристическая компания RELBIS TRAVEL

Туры и авиабилеты по всему миру, экскурсии и отели по Греции

тел.: +30 210-32-10-322, моб.+30 698-21-271-58

Ведущий рубрики: Георгиос Григориадис

исследователь-сухумовед, e-mail: elsum@yahoo.com

Иван Зелилов: «Мои самые, самые дорогие» (супруга и дочь).

выход. Ровно через пять минут вернулся достаточно грустный, т.к. видимо получил свою порцию выговора за то, что отвлекает людей от работы. После этого меня признали своим, и больше никто не пытался устроить мне какую-либо проверку. А теперь перейдем к более серьезным вещам.

Чтобы читатели, просмотрев эти воспоминания, не подумали, что жизнь у Зелилова была малиной, и он только и делал, что проводил время в свое удовольствие, сразу же приведу другой пример. Пример труда и дисциплины, без чего в то время нельзя было работать, тем более на ответственной должности.

Так, на исходе одного прекрасного рабочего дня, примерно в 17.20, меня приглашают в кабинет к Первому секретарю и говорят, что мне поручено подготовить вопрос по финансам Республики, и заседание Бюро обкома партии состоится завтра, в 9.00 утра.

Можете представить мое замешательство: первый мой самостоятельный вопрос на Бюро, и время на подготовку – всего одна ночь.

Во-первых, мне надо было обзвонить все 8 регионов Республики и предупредить всех Первых секретарей, что в течении часа-полтора они получают вопросы, на которые мне были нужны ответы, и согласовать время, когда ответы на эти вопросы будут в обкоме. Я быстро понял, что самым сложным будет составление грамотного вопросника, предусматривающего все нюансы, и уделил этому все свободное время. Как вы понимаете, тогда не было компьютеров, и все приходилось писать от руки. Правда, и расстояния были не очень большими. Курьер из самого дальнего региона мог доехать до Сухуми за час-полтора. Учитывая конец рабочего дня, мне надо было все это про-

делать оперативно. Секретаршу-машинистку я пригласил на 7 утра. Сказать, что я поставил на уши всю Абхазию не берусь, но все соответствующие отделы в горкомах и райкомах партии, а также в соответствующих подконтрольных им организациях, работали всю ночь. Помню, что последний материал попал ко мне в 4 часа утра.

Короче, к 8.30 утра материал был напечатан и разложен на столы членов Бюро, а в 9.00 я уже делал основной доклад. Вот это и есть рабочие будни партийного органа Республики. В один прекрасный день, воскресенье, в половине 8-го утра, раздается звонок в дверь. Я открываю и вижу растерянное лицо нашего члена Бюро обкома партии Ставро Ивановича Феофаниди. Я его спрашиваю, Ставро, что случилось? Он отвечает – КАТАСТРОФА.

Пока моя супруга варила кофе, я умылся и переоделся. Оказывается, вчера, в субботу, он был приглашен на одну очень солидную свадьбу, и его там избрали тамадой. Соответственно, он выпил, а на обратном пути его остановили сотрудники ГАИ и составили официальный протокол на алкогольное опьянение.

Представьте себе ситуацию, а это смогут сделать только люди старшего возраста, на дворе 1986 год, разгар Горбачевской борьбы с алкоголизмом в стране, и протокол на алкогольное опьянение самого высокопоставленного грека Абхазии. На свадьбе присутствовало и руководство самого ГАИ. Конечно, я подумал и о провокации со стороны сотрудников ГАИ, но подумал, что столь широкомасштабную антигреческую операцию, они вряд ли организовали бы сами по себе.

У Ставро была с собой копия протокола, и мы быстро выяснили фамилию гаишника, устроившего переполох. Правда, на тот момент я еще не знал масштабов этого переполоха. Оказывается, это был отец двух мальчиков, которые учились музыке у моей супруги. Соответственно и домашний адрес нашлся быстро. К 8-ми утра мы уже были в Новом Районе. У самого подъезда к дому находилось с десяток милицейских машин, а на костре готовился грандиозный шашлык. Первым моим вопросом было – где ночные протоколы? Мне отвечают, что протоколы уже сданы в дежурную часть ГАИ, и их сразу же запротоколировали, а сейчас они все вместе собираются отметить тяжелое субботнее дежурство. Основная часть присутствующих меня знала в лицо и поэтому стояла навтыжку. Никто из них не удивился, когда я отменил идею приготовления шашлыков, а предложил подумать, что мы в настоящий момент сможем сделать по исправлению допущенного их собратом ляпсуса. Тут же посыпались предложения, и самое дельное из них было – переписать книгу дежурств. С этим мы и поехали в часть ГАИ. Сотрудники ГАИ понимали, что этот инцидент может стоить должности и Министру МВД, и его заместителю, и, конечно, всей иерархии ГАИ.

Разумеется, все протоколы оперативно уже были внесены в солидную книгу дежурств, прошнурованную и пронумерованную за два последних года. Я немедленно дал команду на замену этой Книги любым способом, т.е. ее надо было переписать со всеми протоколами за последние два года к утру понедельника. Конечно, это была самодеятельность рядового работника обкома партии, но эта самодеятельность имела под собой настолько весомую основу, что пересиливала всю остальную ответственность.

Во все время нахождения в аппарате обкома я пытался бороться за повышение сложившегося в Республике статуса грека-рабочего, до статуса грека-интеллигента. А в нашем деле, если бы что-то сорвалось, то надо было ставить большой крест, вообще, на статусе греков, т.к. он уже был на пороге уничтожения. Дальнейшее руководство операцией

нужно было передавать соответствующим органам, т.к. моих скромных сил и авторитета было явно недостаточно.

Я позвонил своему другу и коллеге, инструктору отдела административных органов Александру Ионовичу Аршба (мы с ним дружим до сих пор) и, когда рассказал суть, он предложил мне зайти к его заведующему отделом. Надо отметить, что в обязанности этого отдела входило курирование МВД, КГБ, прокуратуры и других силовых структур. Я быстро вернулся домой, т.к. мы с Аликом жили в одном доме, и мы отправились в гости к его шефу. Я знал, что Юрий Владимирович Гавва ко мне неплохо относится, но под давлением еще и Алика Аршба, он решил всю остальную часть операции взять на себя. Во второй половине воскресенья уже было проведено совещание всех необходимых для исправления ситуации лиц, переписка Книги протоколов приняла узаконенный и необратимый характер и перешла под контроль самого Юрия Владимировича.

В общем, вечер воскресенья мы провели у телевизоров в своих квартирах. А Ставро я посоветовал в понедельник рано утром на очередном запланированном заседании Бюро обкома подойти к Борису Викторовичу и первым рассказать ему об инциденте, но постараться умолчать о моей роли в этом деле. Ставро рассказал "первому", что в субботу был на свадьбе у уважаемых людей и его назначили тамадой. Разумеется, он отказаться не мог и немного выпил. Утром по дороге домой его остановили сотрудники ГАИ и без всякого уважения, наплевав на статус члена Бюро обкома партии, составили протокол и тут же дали ему официальный ход. Первое, что спросил Борис Викторович, было - что с протоколом? Ставро ответил, что пришлось подключить Юру Гавва для исправления ситуации. "Первый" был доволен, что наш новый член Бюро так быстро сориентировался в иерархии Республики и подключил самую тяжелую артиллерию в лице Юры Гавва. Первый в тот же день провел совещание с работниками ГАИ, которым разъяснил, как и с кем нужно разговаривать.

Так закончилась эта эпопея с ныне здравствующим Ставро Феофаниди. Думаю, что это был самый сумасшедший день в моей жизни, когда я, совершенно не задумываясь о последствиях, взял на себя огромную ответственность, причем не в своей отрасли. Наверное, нужно отметить, что мой авторитет среди работников ГАИ держался не на наличии начальствующих «корочек», а на соблюдении мной обычной служебной этики. Я никогда не ездил за рулем выпившим, т.к. полностью игнорировал алкоголь. Если читателям будет интересно, то я могу рассказать и о других случаях с сотрудниками ГАИ, но уже с моим участием.

Как-то я припарковал свою скромную, но с «блатными» номерами машину на ул. Ленина, у госбанка, и зашел по делам к руководству. После завершения работы подошел к машине, чтобы уехать, и увидел под капотом чьи – то ноги в милицеских лампасах. Я наклонился и спрашиваю: «Ты что там делаешь?» Голос отвечает: «Номера откручиваю, отойди, не мешай». Без лишних слов я отошел в сторонку и стал ждать. Бедный, запыхавшийся гаишник с отверткой в одной руке и пассатижами в другой встал и победно взглянул на меня. Мол, получи подарок. Я достал из кармана удостоверение и говорю: «А теперь повесь обратно». У него обиженно вытянулось лицо, но, делать нечего, опять полез под машину и закрутил номера на место. Когда гаишник вылез, я его спрашиваю: «Ты много здесь видел машин с такими номерами?» Он отвечает: «Не видел, но сейчас запомню». Вот что может сделать с человеком простой непрофессионализм. Любой другой сотрудник милиции, увидев номера с тремя нулями,

сто раз бы подумал, а этот ринулся в штыковую и получил свою головную боль. Вообще, я старался никогда не унижать и не оскорблять работника, занимавшего нишу ниже меня по сложившейся табели о рангах. Я одинаково ровно здоровался как с министрами, так и с техническими работниками. На работе мы парковали свои машины или у здания обкома, или у здания горкома партии. В тот день я припарковал машину у входа в горком, на свободное место перед красивой цветочной клумбой. Вечером, примерно в 18.30, я собрался уходить домой и вдруг обнаружил, что моя скромная «11» модель «Жигулей» перекрыта шикарной «шестеркой» с затемненными стеклами. Я немного посигналил, но когда понял, что безответственный хозяин новенькой машины где-то загулял, а на остальных ему наплевать, решил его проучить. Я спустил ему все 4 колеса, а «ниппеля» выбросил. Затем спокойно переехал цветочную клумбу и уехал домой. Утром разразился скандал. Хозяином автомашины оказался новый водитель первого секретаря горкома партии, который еще никого не зная и ничего не умея, находясь первый день на ответственной работе, начал «блатовать» и даже пообещал спустить обидчику все колеса. Когда ему остальные водители разъяснили кто есть кто в данной ситуации, он успокоился, но с этой работы его перевели. Такой безответственный и хамоватый работник никому не был нужен, и он остался служить где-то в обкомовском гараже. Наверное, нужно разъяснить ситуацию и с «блатными» партийными номерами. В Республике имелся специальный фонд с номерами, в состав которых входили нули. Чем больше нулей, тем «блатнее» номер. Мы с коллегой – Гудисой Дзидзария автомашины купили одновременно. Правда, я купил 11-ую модель «Жигулей», а он последнюю модель «Волги». При распределении номеров он уступил мне № 10 – 00, а себе выбрал № 21 – 00. Конечно, это все еще надо было согласовать с руководством ГАИ Республики, что он взял на себя. Вообще Гудиса был очень хорошим товарищем и прекрасно относился к грекам. Вскоре я получил номера, заново переокрасил их и установил на машину, которая не подлежала остановке и досмотру на трассе. К полученным номерам я добавил двухрожковый итальянский сигнал, привезенный из Греции, и систему милицеской связи, подаренной мне моим старым приятелем Димой Калпакиди.

Шел 1989 год, в городе волнения и введен комендантский час. У нас в гостях была знакомая, которая не успела уехать домой до начала комендантского часа, и мы с женой решили ее подвезти в Новый Район. Доехали благополучно, а на обратном пути, на выезде из Н. Района, оборудованного бетонными надолбами и другими техническими средствами, нас останавливают два сотрудника ГАИ.

- Документы!

Я спокойно протягиваю документы одному из гаишников и показываю на специальный жетон, приклеенный к лобовому стеклу, с указанием фамилии и должности владельца, и дающий право на ночные выезды во время комендантского часа. Он все это внимательно осмотрел, а затем заявляет: «А сейчас выйди из машины и открой багажник». Хамов не люблю с детства, поэтому меня сразу переключило. «А почему я должен тебе открывать багажник?» Он отвечает, что у него есть на это разрешение. Я говорю: «Покажи!» Он порылся в своих бумагах и говорит, что забыл взять его с собой. Я отвечаю: «Когда будешь иметь его с собой, тогда и открою багажник». А уже 12 ночи, и начал накрапывать дождь. Гаишник говорит, что хочет посмотреть, есть ли у меня «запаска»? Я отвечаю, что есть. «Я хочу посмотреть, есть ли у тебя аптечка?» Я отвечаю, что есть. Моей жене все это надоело, и она просит меня открыть багажник, где кроме «запаски» и аптечки ничего не было. Но я тоже решил не давать спуска хаму и вообще не выходить из машины. В это время подходит второй сотрудник и спрашивает, в чем дело? Первый заявляет: «Не знаю, какой-то кляузный водитель попался». И тогда я рявкнул: «Оба ко мне! Ваши фамилии и фамилию начальника подразделения!» Вы знаете, уважаемый читатель, эти двое абсолютно ничего не поняли. Единственное, что до них дошло, что я оказался несколько круче их. Они тут же протянули мне документы и расступились в стороны, чтобы я смог проехать. Конечно, я мог решить их судьбу одним телефонным звонком, но решил не опускаться до их уровня, т.к. их видимый уровень был очень низким.

Был у меня интересный случай и во время моей работы в аппарате Минторга Абхазии. Мы, три представителя минторга: я, Галина Федоровна Бокучава и Нина Николаевна Ульянова, получили задание проверить ресторан «Москва» Сухумского треста столовых и ресторанов. Директором в это время там работал очень солидный товарищ – Чакалиди Иван Сократович. Я его спрашиваю: «С чего начнем, с какого объекта?» Он отвечает: «Откуда хотите». Мы разделились и начали проверки сразу в трех местах. Я сделал «закуп» в шашлычной, и как только объявил об этом, открылась неприметная боковая дверца, и с криком оттуда выскакивает шашлычник с огромным тесаком в руках. Я успел только сделать один шаг в сторону наших девочек, чтобы прикрыть их от бандита с ножом, а сам бандит, вернее его рука уже была в плотном захвате железных рук Чакалиди, и было видно, что он серьезно страдал от боли. Я по-гречески попросил Ивана Сократовича отпустить этого мясника и позволить мне с ним разобраться, ведь он выскочил с целью именно меня запугать. Иван Сократович мне отвечает: «А зачем? Ты его побьешь, а потом у тебя будет несколько месяцев разборок с ним и его родственниками, а так я его уволю, а за бандитизм заплатит еще и компенсацию, и все будут очень довольны таким раскладом. Это мы уже проходили в Казахстане, в Кентау». Наш мудрый Иван Сократович ошибся только один раз, когда не послушался моего совета из-за незнания местных реалий. Я ему посоветовал заморозить дальнейшее расширение объекта (ресторана) и не достраивать винный и пивной бары. Как только строительство приблизилось к концу, его сняли с должности на заседании Бюро горкома партии, чтобы освободить место для какого-то милицеского отставника. На заседании Бюро он вел себя очень достойно и заявил, что знает, для кого освободили это место, и если этого человека назначат директором, то он дойдет до ЦК КПСС. От должности его, конечно, освободили, но назначение милицеского начальника не состоялось, т.к. вершители его судьбы поняли, что этот казахстанский грек пойдет до конца и наломает столько дров, что мало никому не покажется. Трест столовых воспользовался ситуацией и перевел Ивана Сократовича на должность начальника всей торговой базы треста столовых и ресторанов, т.е. с солидным повышением в должности.

Этими воспоминаниями о моей жизни мне хотелось поделиться с читателем.

В завершение хочу пожелать всем крепкого здоровья, долголетия и благополучия.

С супругой Маргаритой и их племянницами Викторией и Анной Панайотиди